

Цин Шуан, услышав эти слова, поблагодарила и удалилась.

Янь Бухуэй неспешно вышла из зала. Дел у нее не было, поэтому она направилась в резиденцию Юйсянь.

Хотя на дворе стояла ранняя осень, во Дворце Цзысяо всегда было весна, и в резиденции Юйсянь буйно цвели сотни цветов, соперничая друг с другом в красоте. Войдя в резиденцию, Янь Бухуэй увидела Чэнь Юй: она стояла у каменного стола под сливовым деревом. На столе был расстелен белый лист бумаги, и Чэнь Юй, сосредоточенно держа кисть, писала картину.

Поскольку Чэнь Юй давно не выходила из дома, залечивая раны, на ней была простая белая одежда. Фигура ее была хрупкой: несмотря на долгое лечение, она еще не оправилась, и одежда висела на ней мешковато.

Благодаря почти трем годам тщательного ухода здоровье Чэнь Юй день ото дня улучшалось, а сила примерно наполовину восстановилась. За исключением невозможности свободно управлять истинной ци, Янь Бухуэй больше не препятствовала ее обычным занятиям вроде письма или рисования. В последнее время процесс выздоровления ускорился, и, вероятно, еще через полгода раны заживут окончательно.

Сила Янь Бухуэй несоизмеримо превосходила силу Чэнь Юй, поэтому, когда Янь Бухуэй подошла, та ничего не заметила, продолжая всецело отдаваться живописи. Лицо Чэнь Юй дышало спокойствием, в уголках губ играла легкая улыбка, и каждый раз, когда кисть касалась бумаги, в ее глазах плескалась мягкая, как вода, теплота.

Видя это, Янь Бухуэй не стала беспокоить ее голосом, но любопытство все же терзало ее: она хотела узнать, что именно изображает Чэнь Юй.

Хотя Янь Бухуэй не умела ладить с людьми, Чэнь Юй жила во Дворце Цзысяо уже давно, и Янь Бухуэй приходилось часто с ней контактировать, чтобы вылечить ее раны. Так что она уже успела кое-что узнать о Чэнь Юй.

Она знала, что внешне Чэнь Юй была мягкой и спокойной, но в глубине души отличалась невероятным упрямством и стойкостью. Пока Чэнь Юй была в коме, Янь Бухуэй восстановила ее разрушенные меридианы, но не смогла провести по ним истинную ци. Поэтому, когда Чэнь Юй очнулась более двух лет назад, ее каналы были заблокированы, тело было настолько слабым, что она не могла даже встать.

Однако Чэнь Юй упорно заставила себя: всего за месяц она начала подниматься с постели, опираясь на стену, а через два месяца уже ходила без посторонней помощи.

Каждый раз ее лицо бледнело, лоб покрывался холодным потом, но она, сжав губы, не издавала ни звука. Двигаясь буквально дюйм за дюймом, она не позволяла Янь Бухуэй приказать кому-то поддержать ее.

Характер ее был мягким и терпимым: она не легко впадала в гнев, но и не легко привязывалась к чему-либо.

За все время, что Чэнь Юй провела во Дворце Цзысяо, Янь Бухуэй редко видела ее настолько увлеченной чем-то. Если припомнить, то, пожалуй, единственный раз — после того как Янь Бухуэй отправила письмо в секту Линъюнь, Чэнь Юй расспрашивала о новостях оттуда. Янь Бухуэй понимала, что Чэнь Юй хотела узнать о своем любимом ученице, но намеренно не упоминала об этом. Чэнь Юй хотя и была немного разочарована, не показала вида.

Позже Янь Бухуэй хотела рассказать, но не решалась, да и повода не находила, поэтому оставила эту затею.

И вот, впервые с того времени Янь Бухуэй снова увидела Чэнь Юй такой сосредоточенной и увлеченной.

Янь Бухуэй бесшумно подошла и встала за спиной Чэнь Юй, окидывая взглядом картину на каменном столе поверх худого плеча девушки.

На картине росло дерево с зелеными сливами, густо усыпанное листвой. Под ним стояла женщина с мечом, осанка ее была свободной и легкой, а облик — необузданным. У нее были чистые, красивые глаза, а в улыбке сквозила безмятежность. Она обернулась, словно оглядываясь на уходящие годы, текущие словно вода.

Ее черты лица казались знакомыми — она была очень похожа на той взбалмошной ученицу Чэнь Юй, но интуиция подсказывала Янь Бухуэй, что это не Лян Цзинь.

— Кто эта женщина?

Голос Янь Бухуэй донесся из-за спины. Рука Чэнь Юй, державшая кисть, не дрогнула. Она провела несколькими уверенными мазками, украсив край одежды нарисованной женщины парой красноцветков сливы, и только потом с легкой улыбкой отложила кисть.

— Это моя старшая сестра-ученица, мать А Цзинь.

Услышав эти слова, Янь Бухуэй сжала губы и больше ни о чем не спросила.

Янь Бухуэй молчала, и Чэнь Юй не оборачивалась. Янь Бухуэй смотрела, как Чэнь Юй наклоняется, поднимает упавший на картину листок и вертит его в пальцах. В ее глазах застыла теплая, мягкая печаль. Янь Бухуэй невольно вздохнула, проникшись чувством:

— А я вот уже много лет не вспоминала о тех, кого нет.

Те, с кем она познакомилась в начале своего пути, давно обратились в прах, и неизвестно, сколько раз они переродились. У нее тоже были любимые люди, но не было той всепоглощающей, пронзающей сердце любви. Много лет назад, когда все, кто был рядом, ушли из жизни, она перестала о них думать.

В этом брэнном мире чем больше дорожишь чем-то, тем легче это потерять. Лучше вообще ничего не ценить.

— Живя в этом мире, всегда есть кто-то, кто остается в чьем-то сердце.

Если бы не Лян Цзинь, она бы не смогла отрешиться и с таким спокойствием вспоминать тот образ, живущий в памяти.

Глядя на спокойное и кроткое выражение лица Чэнь Юй, Янь Бухуэй вдруг ощутила импульс и спросила:

— А ты? Есть ли кто-то, кто хранит тебя в своем сердце?

Чэнь Юй не ожидала такого вопроса. Она на мгновение замерла, затем сжала губы и улыбнулась:

— Мне не нужно, чтобы кто-то носил меня в сердце. Я не смогла бы вынести такой ответственности и не хочу причинять кому-то боль. Я знаю, каково это — тосковать по кому-то, и понимаю, что я не из тех, кто приносит покой. Поэтому лучше мне не селиться в чужом сердце, а оставаться в этом мире одной, следуя своей натуре и судьбе.

Янь Бухуэй долго молчала. Она смотрела на Чэнь Юй, которая обернулась и улыбнулась, и в ее глазах светилась чистота. Внезапно ей стало грустно.

Она прожила несколько сотен лет, но никогда еще не встречала подобного человека. Чэнь Юй говорила серьезно, каждое слово шло от сердца, и именно оттого Янь Бухуэй испытывала такое чувство.

Янь Бухуэй не хотела страдать, поэтому не пускала никого в свое сердце. А Чэнь Юй, в чьем сердце жил кто-то, скорее страдала бы сама, чем позволила бы другим горевать из-за нее.

Такая теплая женщина невольно вызывала жалость.

На ранней осени листья клена на горе Моса постепенно покраснели. Пролетел ветер, и листья зашуршали, издавая непрерывный шелест.

В Вратах Ушэн, в изящном и уединенном дворике на востоке, Лян Сюаньлэ в простой белой одежде полулежала на каменном стуле, держа в руках свиток. В нем записывались подробные сведения о людях с неясным прошлым, с которыми контактировал Лян Цяньшань при жизни.

Этот тонкий свиток Лян Сюаньлэ читала уже целый час, запоминая самые важные моменты. Возможно, из-за долгого чтения глаза начали сохнуть, и она закрыла их, потирая виски.

Как раз в этот момент в ворота дворика постучали. Лян Сюаньлэ не открывала глаз, лишь слегка стукнула по каменному столу, приглашая вошедшего.

Молодая ученица на начальном этапе закладки основания, почти ровесница Лян Сюаньлэ, отворила дверь и поклонилась. Она искренне уважала и почитала Лян Сюаньлэ, несмотря на небольшую разницу в возрасте, и почтительно произнесла:

— Владычица, старейшина Цзинь вышла из затворничества и сейчас отдыхает в главном зале.

Старейшиной Цзинь, о которой она говорила, была Лян Цзинь.

После того как Лян Цзинь ушла в затворничество на жилу синего нефрита, Лян Сюаньлэ знала, что та надолго в Вратах Ушэн не задержится. Но кроме Лян Цзинь, у нее в этом мире не осталось родных, поэтому она сделала ее почетным старейшиной секты, в статусе равном обычным старейшинам, с единственным отличием — свободой приходить и уходить.

— О?

Лян Сюаньлэ открыла глаза, в которых промелькнула улыбка. Она убрала свиток, встала и отряхнула платье:

— Пойдем посмотрим на нее. Она сказала, что будет в затворничестве год, и, кажется, ни одного дня не пропустила. Совсем не терпит убытков.

В главном зале Лян Цзинь развалилась в кресле, выглядя довольно расслабленно. Войдя, Лян Сюаньлэ увидела, как та в одной руке держит чашку, а другой машет крышкой, дуя на чай и

время от времени прихлебывая.

— Твой чай просто великолепен! Подари мне сотню-другую цзиней!

Едва Лян Сюаньлэ переступила порог, как услышала веселый голос Лян Цзинь. Она прищурила прекрасные глаза, сердито одернув ее:

— Ты что, думаешь, я торгую чаем? Это высочайший чай Моса, его производится всего десять с лишним цзиней в год. И тебе нужно сотню? Полцзиня, больше не дам.

Лян Цзинь высунула язык и начала торговаться:

— Один цзинь, меньше нельзя! Хорошая кузина, я ведь скоро уйду, неужели тебе жалко подарить мне немного чая?

Лян Сюаньлэ собиралась еще поспорить, но услышав последние слова, нахмурилась. Она и знала, что Лян Цзинь собирается уйти: именно ради тренировок на жиле та и приехала в Хэфэн. Но не ожидала, что этот день наступит так скоро. Затворничество только закончилось, а она уже собирается уезжать.

<http://bllate.org/book/16682/1531424>